

Зоя Журавлева
Филимоновские
чародеи

ТУЛА ПРИОКСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО 1987

И добрых делах
О чудо-мастерах

Было это очень давно, лет пятьсот, а может, и больше назад. Появился однажды чужой человек в одоевских краях, немолодой, густо заросший спутанной сивой бородой, худой, одетый не по зимним холодам в легоньком армячке.

Места те одоевские — красивые, живописные, леса кругом богаты ягодами сочными, сладкими, грибами, дремучие овраги в орешниках непроходимых, звонкая, чистая речка протекает поблизости. Но самая главная невидаль в том местечке — глина, мягкая, пластичная, шести расцветок — синяя, серая, желтая, белая, красная и зеленая. Лежала она почти по верху земли, гостей заезжих удивляя да навлекая на себя гнев местных жителей.

Люди к глине этой относились совсем неприветливо, укоряли ее, ругали: из-за нее, многоцветной, урожая у них не бывало никогда богатого. Жили тут из-за бесплодной, бесполезной глиняной земли впроголодь. Только и была утешью и спасительницей река Упа, полная рыбки некрупной, да сытной. Водилась она там во множестве, да лес был рядом с живностью мелкой — тем и пробавлялись жители из года в год.

Вот в те края и забрел издалека неизвестный человек.

В деревне любой пришелец или заезжий какой сразу заметен: своих-то всех наперечет знают. Потому, как только узнали, в какой дом пустили ночевать чужака, следующим утром без стеснения наведались туда одна, другая соседка, чуть ли не вся деревня перебивалась: любопытно было взглянуть на странного

гостя. Да не просто глазели на него, допрос ему учинили: кто да откуда, зачем в глухомань пожаловал?

— Потому я к вам, что чую, тут места, далекие от властей,— глухо признался чужой человек,— беглый я...

— Вроде, сказывает, невинно пострадал,— дополнил скупой сказ гостя хозяин дома, кузнец деревенский.— Что ж делать-то, люди добрые? Негоже его в зимнюю стужу гнать, живой, чай, мужик-то. Пусть с нами поживет. Там к весне видно будет.

Долго не сходила с языков эта новость. Кое-кто возражать пытался: непорядок, мол, беглого покрывать. Но человек вел себя смирно, на людях показывался редко, привыкать к нему стали. А одно необычайное обстоятельство прямо-таки всколыхнуло вскорости всю деревню.

Звали беглеца Филимон. Даровитым он оказался, с мастеровыми ловкими руками. По весне, когда сошел снег, земля хорошенько отогрелась, Филимон подолгу присматривался к необычной глине, вроде даже принюхивался к ней, а потом взялся мять ее, что-то из нее лепить, еще немного времени прошло— горшки да махотки крутить принялся.

Ловко получалось у Филимона это невиданное до сих пор дело, добротное. Местные жители диву давались, как он смог приспособить никому не нужные глиняные залежи.

А Филимон и сам видел, что горшки у него на загляденье вышли, раздавал людям свои поделки. Потом он решил на ярмарку свезти свои глиняные посудины: что, мол, скажет остальной народ земли тульской.

На ярмарке горшки да махотки быстро в ход пошли, Филимон только успевал поворачиваться. Не пришлось ему долго покупателей зазывать— сами шли с большой охотой, привлекали их необычные поделки глиняные.

Понравилось Филимону это выгодное предприятие. Отбою от покупателей не было. А однажды Филимон сунул в карман глиняную игрушку, что слепил просто так, для забавы и дырочку в ней проколупал, чтоб свиристела. Когда пришел на ярмарку, рано еще было, и народ только просыпался, лениво приценивался к товарам. Тут Филимон вынул свою поделку да и попробовал, как она

у него запоет. Дунул в нее. Залилась звонкой песнею игрушка. Еще разок попробовал. Дома ему она не такой звонкоголосой казалась. Тут же к нему народ повалил. Чем это мужик развлекается? Филимон смекнул, в чем дело. В другой раз побольше таких игрушек наделал. Посвиристел в них, отбою от ребятишек не было, так и дергали своих родителей: купи да купи свиристелку! Весело шла торговля. Куда еще больше народу стекается, как не на ярмарку, за товаром, за развлечением, за сбитнем горячим?

С раннего утра шум там стоит, гомон нестройный, лошади ржут, телеги скрипят. Чего только не увидишь на этой широкой разноголосой ярмарке! С одной стороны свинья заливается пронзительным визгом, подальше — черногривый цыган с серьгой в ухе зазывает покупателей на коня его взглянуть, недорого продает. А вот старушка юркая с острыми подвижными глазками трясет перед лицом проходящих облезлой шубейкой. Может, и продаст: тут все могут купить.

Голоса переплелись — звонкие, хриплые, трубные. Зазывают торговцы, подходят покупатели, снисходительно товар щупают, спорят яростно, чуть ли не до драки, но расходятся с миром — сошлись в цене полюбовно. Глянешь вокруг — торгуют все. Присмотришься — и покупателей тьма.

Шумно, весело, тесно. Мальчишки шныряют под ногами у взрослых, чумазые, глазами бойко зыркают. Вон там, почти в центре ярмарки, приглянулся им разноцветным товаром набитый глиняной поклажей воз. Как засвиристела свистулька — разом обступил хозяина народ, на диковинные игрушки любуется. Женщины больше на посуду заглядываются. А свистулька поет, заливается. Рядом уныло подпевает приземистый мужичок:

— Вот квасок, попыривает в носок!

Неудачно он пристроился. Отбил Филимон у него покупателей.

Вдруг еще выкрик звонкоголосый вмешался в общий гул:

— Рубль кучка, три рубля штучка! Ах, хороши грибки, сам бы ел, деньги нужны.

— Стою на краю, дешево продаю! Подходи, покупай! — взвился густой бас

над разноголосой, многолюдной ярмаркой. Ох, как надо уметь торговать, покупателя приворожить, удержать.

А у Филимона уж телега опустела. Домой пора, за новой партией. Доволен по-настоящему, ярмарка еще в полном разгаре, а у него быстро сладилась торговля...

От деревенской ребятни у Филимона отбою не было. Да он и не отбивался. К детворе у него было доброе, нежное отношение. Может быть, потому, что сам он был одинок. Игрушки раздавал им запросто, позволял смотреть, как чудодействует над гончарным кругом. Любо ему было работать, когда рядом эта орава колготится. Своих не успел завести, вот к чужим и приболел сердцем.

Взрослые прониклись к Филимону добрым почтением: к плохому человеку дети не станут льнуть. Да и заинтересовал их его промысел. Видят, повеселел Филимон, домик себе сгородил небольшой.

Стали и взрослые, не принявшие поначалу «детские забавы» беглого, присматриваться, как это у Филимона получаются из глины такие яркие игрушки да посудина всякая, что в хозяйстве совсем не лишней была бы. Стали сами пробовать лепить, к Филимону за советом ходить, за помощью. А тот охотно показывал:

— Разминай глину усердней, не ленись. Да не силой налегай, только лаской и ловкостью ее возьмешь...

Старались, подражали ему, слушались беспрекословно. А учитель он был суровый. Чуть не по его сделано, враз сомнет в комок фигурку да насупится. Но поостынет и — опять за урок. Так мало-помалу приучил народ здешний к незнакомому делу.

Вскоре вырыли горны почти возле каждого дома — поделки обжигать. Выбирали место для них за огородами, под бугорками, чтоб ветру нельзя было зарождающийся огонь из горна сбить. А как пламя за силу возьметса, никакой ветер ему не страшен.

Наловчились игрушки да посудыны мастерить в деревне все — от мала до велика, всем полюбилось это занятие.

Детишек сызмальства приучали свистульки лепить. Малышам что попроще давали мастерить — собаку или утку. А женщины брались за работу посложнее, раскрашивали игрушки горизонтальными полосками. Мужчины больше по гончарному делу хлопотали, сушили поделки, в горне обжигали. Но главная их забота — материал, то есть глину, доставить вовремя.

К нарядным, расшитым затейливыми узорами полотенцам, к занавескам да скатертям, связанным искусными руками, и многим другим рукоделиям деревенским прибавились новые украшения — расписные свистульки, а в хозяйстве — глиняная утварь. Игрушки-свистульки, посуду глиняную самых причудливых форм и росписей вывозили полными телегами за пределы земли одоевской — в Калугу, Епифань, Тулу. Торговля шла бойко, раскупали изделия мгновенно, хотя привозили поделок помногу.

С тех пор заиграла, запела цветная мягкая глинка (так ее прозвали местные жители) под руками мастеров, пользу в ней люди увидели немалую, радость она в дом принесла.

Деревня та сейчас Филимоново зовется по имени того самого беглеца, пострадавшего во время крестьянского бунта против жестоких хозяев. Эту легенду о Филимоне в деревне знают от мала до велика.

Филимоновские игрушки не спутаешь ни с вятскими, ни с каргопольскими, ни с дымковскими: и по раскраске, и по форме отличаются. Вот они: и небольшие по размеру, высотой около семи сантиметров, и покрупнее свистульки — все полосатые, яркие, веселые! Размеры, формы, раскраски соблюдают мастера строго. Вот, например, баран — у него обязательно рога колечком, на улиток похожи. А у барыньки непременно утка под мышкой — она для свистка приспособлена. Если доярка, то уж, конечно, при деле — корову доит или козу. Петушок — в гордом одиночестве. Курочка только в обнимку со своими цыплятами.

Форма игрушек особая, на первый взгляд странная. Все они как бы вверх вытянуты, будто к солнышку тянутся. Выглядят поэтому забавно, от их упругих, гибких фигурок веет таинственной загадочностью.

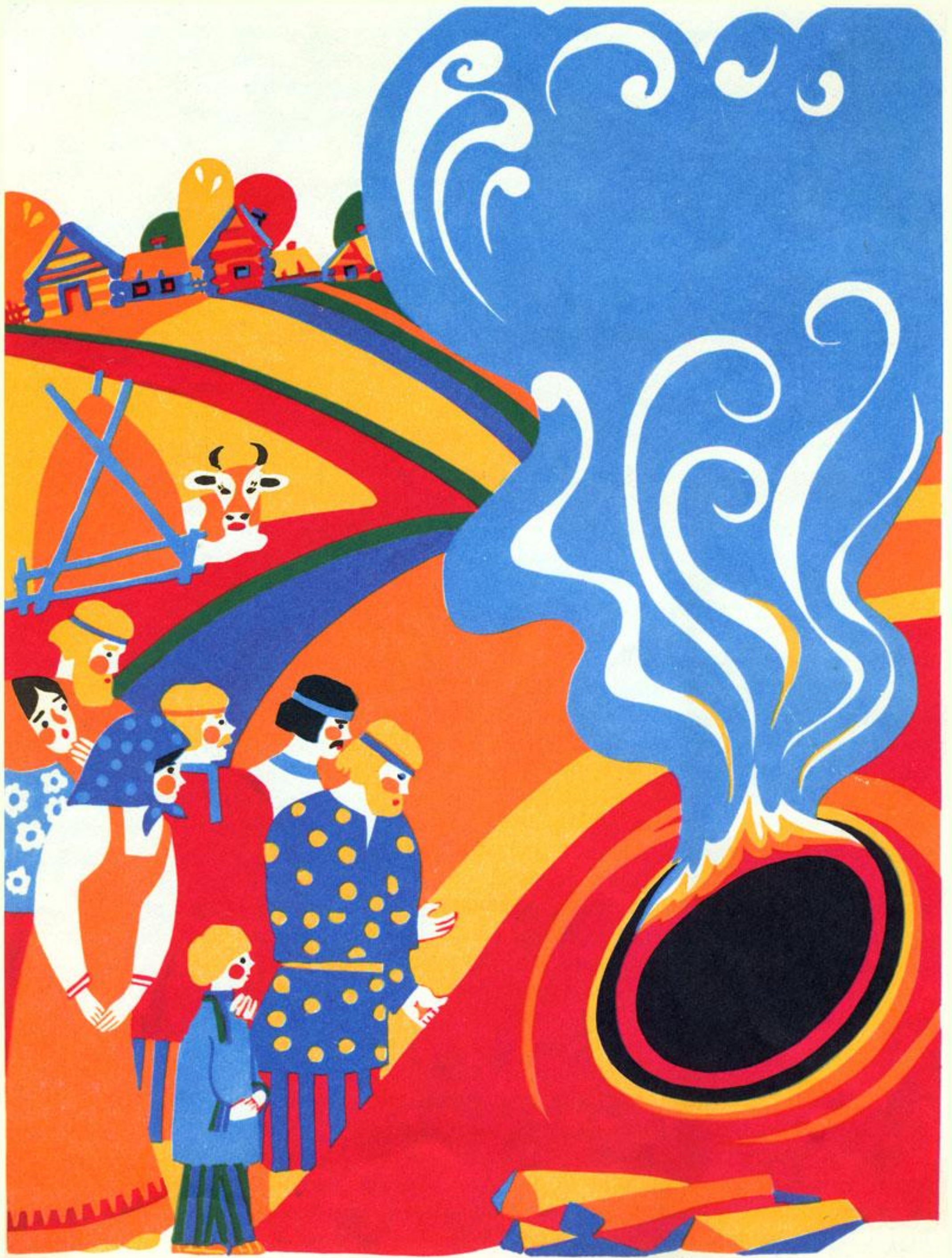
Как сегодня делают в деревне Филимоново знаменитые игрушки?

Летом ими заниматься некогда, много дел в полях, надо хлеб растить, осенью картошку собирать. А к первому снегу, когда работы становится меньше, мужчины на всю зиму заготавливают глину, которую в деревне синикою зовут. По-настоящему она не очень синяя, близка к этому цвету, но и серым отдает.

Набрали глины, с песком да с водой ее тщательно перемешали так, чтобы ни комочка, ни крупиночки не попадалось. Месить надо долго-долго, руками пробовать чаще — достаточно ли мягка? И вот уж «тесто» вязкое, тягучее, готово, можно лепить.

Но не только цветом своим примечательна глина в Филимонове. Она слишком мягка, поэтому, когда изделие из нее сушат, не выдерживает она жаркого огня, трещинами покрывается. А в более прохладном месте игрушку сушить нельзя — рассыпаться может. Заглаживает мастер влажной рукой эти трещины, и невольно фигурка вытягивается.

Отделяет он от глины комочек, ровно столько, чтоб на свистульку хватило, потому что лепят ее из единого куска — всю от начала до конца. Вот только утку, к примеру, для барыни отдельно лепят или всадника с конем — тоже по отдельности. Быстрыми, точными движениями из глины сначала вроде колокол выделывают, потом, глядишь, вырисовывается фигурка барыньки, жеманная

такая, чинная, локоток в сторонку, туда ей потом уточку просунут. Из следующего продолговатого жгута появляются копытца, ножки, вот и конь готов, тоже рядом со свежей игрушкой сушится.

Не по одному разу пройдутся бережно по игрушке теплые, ласковые руки мастера: очень уж глина непослушна, так и старается все свои капризы показать. Свистулька, будто живая — только что подправили ее, пригладили, глядь, через какое-то время снова пошла трещинками.

Так и «ласкает» ее мастер подолгу, кропотливо, пока не присмиреет будущая игрушка, пока не станет гладкой, ровной, без единой задоринки — вот теперь с ней можно и дальше работать.

Чуть отвердеет свистулька, снова за нее принимается мастер — надо чтоб она запела звонко, голосисто. Для этого деревянной палочкой прокалывают в игрушке отверстие, прочищают его тщательно, осторожно, чтоб не попортить изделие. И пробуют, что за звук получился.

Сначала не очень певуче выходит, ведь игрушка еще не готова, но уже по этому предварительному напеву мастер чувствует, какой будет «голос» у поделки. Если что-то в «голосе» том не понравилось, тут же палочкой подправляет отверстие и снова свистит: весело, пронзительно-звонко.

В теплом помещении высохли поделки, можно их теперь обжигать.

Всю зиму лепят игрушки филимоновские мастера да еще махотки, посудину всякую. Вечера зимой в деревне особенно долгие. То из одной, то из другой избышки слышно, как льется неторопливая русская песня. Мастерицы не только из глины лепить горазды, они и петь возьмутся — заслушаешься. Да и песни какие знают — сердце от них щемит. А уж сколько их в памяти хранят!

Так и создается филимоновская поделка — голосом и мелодией люди помогают ей родиться на свет.

— Бабушка, дай игрушку слепить, — пристаёт совсем ещё крошечный карапуз к мастерице, очень уж хочется ему попробовать свистульку такую себе сделать, как у бабушки — звонкую, нарядную.

Бабушка сердится:

— Попортишь ты мне свистульку-то, малец. Подрасти пока. Вон макушка под столом ещё сверкает.

Малыш хитрит, хватает у нее из-под рук кусочек глины и прячется в уголок. А вот этого уж совсем не терпит мастерица — с глиной баловаться не велит, да и прикрикнет на шалуна. Однако обида недолга, вскоре малец снова наблюдает с любопытством: как же это так ловко у бабушки игрушки выходят? А через год снова подступает с просьбой:

— Дай глинку, бабушка. Смотри, уж макушка как выросла, выше стола...

Усмехнется ласково женщина да уступит настойчивости внучонка. И станет показывать, как игрушка складывается.

Не получается у мальчика, выскользывает из рук мягкий глиняный комочек. Тут же — слезы. А бабушка терпеливо наставляет:

— Не торопись, полегче, добрей надо с глиной обходиться. Что ты так сердито ее мнешь? Она же обидится, не поддастся.

Пополам со слезами первая игрушка выходит. Потом уже получше, поровнее получается. Вот уж где радость-то обоим — и ученику малому, и самой наставнице.

Так было прежде десять, пятьдесят, сто и более лет назад. Так и сейчас, и впредь будет. Так рождаются мастера — в труде упорном, настойчивом, терпеливом.

Весною собираются филимоновцы со своими изделиями и спускаются по крутой тропинке к горнам. Укладывают бережно все это туда, потом разжигают в насытившихся поделками горнах березовые дрова.

Разгорается огонь, такой жар вокруг стоит, что подойти близко невозможно: горны накаляются добела, а над ними столбом пламя висит. Температура до семисот градусов.

Всю ночь филимоновцы караулят у печей свои будущие поделки. С гармошками, балалайками, с песнями хороводы водят — одеваются к такому событию по-праздничному, самое лучшее достают из сундуков: платки кумачовые, с узорами, сарафаны, расшитые искусно, украшенные бисером.

Красивые в Филимонове ночи: нарядные девушки, парни, все жители деревни, даже дети гуляют на улице. Шутки, песни, частушки.

Поднимайся выше, тополь.

В поле краше расцветай.

Мы свистульками, игрушками

Прославим милый край...

Тут же на ходу сочиняют припевку на свой лад, а уж в ответ летит новое:

На болоте, на снегу
Укусил комар блоху.
Сидит заяц на березе,
Умирает со смеху.

Переговаривается гармошка с балалайкой, перекликаются частушки лихие, люди шутками друг друга задевают:

— Это твои, что ли, свистульки трещат там в огне?

— Да что ты? Это кувшины твои расползаются во все стороны.

Беззлобные шутки, не для обиды, так, для смеху, для настроения. И всю ночь беспокойно в деревне.

Жар постепенно спадает, медленно остывают горны.

С волнением и тревогой достают оттуда свои изделия мастера филимоновские. Бывало, и черепки одни доставали. А когда удачный обжиг получается, с удвоенной охотой продолжают работу над игрушками, над посудой.

После обжига глиняные изделия меняют свой цвет — они становятся белыми с разными нежными оттенками: то розоватыми, то желтыми, то серыми. Бывает, оставляют дома и такими, некрашеными, для своих ребятишек. Те их потом сами размазывают, как хотят. На такие свежие, только что обожженные свистульки краска легко ложится. Малышам славная забава — поводить по ним карандашами или фломастерами, можно и акварелью пройтись. Но это так, для забавы. А чтоб настоящая игрушка получилась, ее по-особому красят.

Снова затихла деревня, по домам расходится народ с полными фартуками игрушек. Дальше глиняные поделки надо раскрасить, да так, чтоб в глазах зарябило от многоцветной пестроты.

Всего четыре краски используют филимоновцы, а получается жизнерадостно, ярко. Даже если петухи дерутся, даже если жених с невестой осерчали друг на друга, все равно грусть не наводят — с юмором добрым, теплым сделаны они добрыми же руками.

Вот разложили перед собой краски мастерицы. К слову сказать, в прежние времена мало кто в деревне весной яичко отведывал, все они шли на разведение красок.

Пробовали мастера красить поделки из состава местных трав, из коры деревьев, из особых сортов глины. Но получалось блекло, невыразительно, да и недолго краска держалась на игрушке. Ныне придумали для мастериц анилиновые краски, которые разводятся лаком, они устойчивы и по цвету ясные, сочные.

Краски на месте, кисточки из куриных перьев, ниточкой перехваченных, тоже приготовлены. Пошла работа дальше.

Расцветок не так уж много: желтая, красная, синяя, зеленая. Кисточкой по фигурке — желтый мазок, а на него еще и синий положила мастерица — легкая зеленая полосочка образовалась. А коли по синему красным мазком пройтись — фиолетовый рождается. На желтую полоску красную наложить — оранжево получается, будто солнышко вот-вот лучами брызнет.

Вот уже раскрашена игрушка, теперь подсохнет, и можно ее на выставку вез-

ти, в музей или детям подарить. Охотников до нее много. В местном универмаге, что в самом Одоеве, они расходятся быстро. Едва успевают мастера за своими заказчиками.

Мы знаем, как делается игрушка. А кто творит сегодня все эти чудеса из глины? До наших времен не дошли имена мастеров, сделавших первую игрушку, придумавших ее.

Вот в этом просторном доме, что в самом центре деревни Филимоново, расположилось обыкновенное чудо. В руках Евдокии Ильиничны Лукьяновой, члена Союза художников СССР, из серого мягкого комочка получают барыни в изящных шляпках, в роскошных юбках колоколом да с удочкой под мышкой, brave солдатики, задиристые петухи-драчуны.

Приглядишься к ее маленьким беспокойным рукам: какие же они ловкие, сноровистые! Почти неуловимо быстро расправляется с комочком глины — буквально через минуты готова фигурка. Сама она почти и не смотрит на стол, разговаривает с собеседником, а руки будто сами по себе существуют, вылепывая, приглаживая, поправляя будущую свистульку.

Игрушкой Евдокия Ильинична с малолетства занимается. Сколько себя помнит, столько и лепит. Лепила вся их семья — от детворы до стариков. Детям — забава, взрослым — труд, приносящий прибавку к семейному бюджету, который в большой крестьянской семье был довольно скуден. Игрушка выручала в нелегкие голодные годы. Спрос на нее всегда был.

И даже когда Евдокия Ильинична вышла замуж, не оставила она своего занятия. Нелегко было управляться молодой хозяйке по дому, а все равно на игрушку находила время. Муж, Василий Михайлович, тоже помогал. Потом и

детишек стали приучать к ремеслу. Так и продолжалась традиция — из поколения в поколение переходило мастерство игрушечное.

Вот только был перерыв, когда Великая Отечественная война грянула, когда черным крылом своим половину деревни за собой увела.

Забрала она всех мужчин и из семьи Лукьяновых.

Пришлось Евдокии Ильиничне на своих плечах держать все домашнее хозяйство, хоть и небольшое оно было. Не любит вспоминать она об этом, как тяжело, опасно жилось в те тревожные военные годы.

Не скоро взялись за игрушки в Филимонове и после войны — не до них тогда было: разруха кругом, голод, а горя-то сколько... Трудно было после пережитого вернуться к прежней мирной жизни.

Но однажды попросили игрушечниц филимоновских снова взяться за глину: должна жить славная русская свистулька. Попросили изготовить игрушек побольше, чтобы снова их показать в музеях и на выставках. Пусть видят люди, знают, что не падает духом русский человек и в тяжелый час.

Закружились снова в нарядном хороводе олени с ветвистыми рогами, петушки с пышными яркими гребешками, кони с развевающейся гривой — всякого зверья наготовили филимоновские чародеи.

Были в том хороводе и поделки Елены Кузьминичны Евдокимовой, члена Союза художников СССР. Дом ее — посреди села, хороший, светлый. В нем тоже рождаются веселые игрушки.

Елена Кузьминична с любовью, с нежностью показывает изделия, поглаживая их, лаская легким движением руки.

Вот ее любимец — медведь с зеркальцем, симпатичное создание! Мордашка такая лукавая, смотрит на себя в зеркальце, дивуется: кто это такой большой, красивый, смотрит на него оттуда, из этого странного сверкающего озера?

Жизнь Елены Кузьминичны начиналась почти так же, как и у ее подруг в Филимонове. Два года только в школу бегала, а потом мама сказала: «Давай-ка, дочка, за прялку садись, приучайся к труду крестьянскому, в жизни сгодится».

И села за прялку маленькая девочка — до педали не доставала, но старалась делать все, как мать велит. Семья была большая — восемь детей, всем есть надо,

одеться, обуться. Права была матушка, надо было работать, чтобы как-то помочь семье.

Всему рукоделию крестьянскому научилась девочка, хрупкая, невысокая, совсем еще ребенок, а руки были уже ловкие, сноровистые. Что вязать возьмет-ся, что шить, что пряхть — все-то у нее ладно получается. Даже мать залюбовалась ею, на минутку отвлекшись от забот хозяйских:

— Знаешь, доченька, — сказала однажды, — мы с тобою сейчас свистульку сработаем...

И пошли в сени за глиной.

У Лены сердце забилося от волнения. Ей-то давно хотелось с глиной повозиться, да старшие не подпускали: рано, мол, не мешайся.

Села она с матерью рядом, и начался урок. Забыла про все на свете будущая мастерица забавных игрушек. Пристально следила за руками мамы и сама из жгутика глины пыталась что-то слепить. И вдруг слезы из глаз брызнули прямо фонтаном:

— Ничего у меня не выходит... Вязать лучше...

Мать усмехнулась, взяла дочкины руки в свои и стала показывать, как надо фигурку вытягивать, как осторожно слепить ножки, рожки.

— Не спеши, — наставляла мать, — придет и к тебе сноровка. Ты сейчас за быстротой не гонись, лепи старательней.

И все-таки первая фигурка получилась совсем дурной. Мать ее безжалостно смяла, принялись за другую. Лена уже не плакала, так глину покорить хотелось, хоть простенькую уточку слепить.

И вдруг забоялась, что и эту свистульку в комок глины обратят. Страх

придал ей силу и уверенность. Следующая игрушка получилась стройной. Мама ее оставила...

Те давние уроки не прошли даром для Елены Кузьминичны. Рукодельницей выросла она и своих детей приучила, чтоб нитка с иголкой в их руках почаще гуляла, чтоб спицы мелькали вечерами, а уж про игрушки и говорить нечего — с них началось детство, ими и жизнь продолжается.

Жили в Филимонове и другие чародейки. Много о них было сказано, написано в газетах, книгах. Об их мастерстве рассказывают в музеях, с их творчеством знакомы за рубежом. Мастерицы подарили самобытной игрушке долгую, интересную жизнь.

В Тульском краеведческом музее сохранились старенькие полуразрушенные свистульки, которые, считают, давным-давно слеплены, во всяком случае не теми, кто поныне живет и радуется нас своим мастерством. Их авторы неизвестны. Зато теперь в музеях под игрушкой обязательно значится ее автор. Филимоновскому чуду уделяется особое внимание.

Настала очередь рассказать и о гончарном производстве филимоновцев.

Виктор Федорович Склемин — гончар. Говорят, в деревне ни у кого такие певучие кувшинчики не получались, только у него. Певучие оттого, что стенки у них тоненькие, причудливой формы. И расписаны они все по-разному, одинаковых не найти.

Неподалеку от дома выложен горн у Виктора Федоровича. Ему нравится заниматься гончарным делом, с детства он к ремеслу этому душой прирос, с тех пор и не остывает надолго его горн.

А научился Склемин своему мастерству у соседа Дмитрия Ильича Дербене-

ва. Казалось, давно ли мальчуган Витя Склемин путался возле ног высокого, худого гончара. Все пытался заглянуть, что это там дядя Митя крутит на кругляшке, что он там мудрит.

— Подсобил бы лучше, малец,— заметил его однажды дядя Митя.

Мальчишка со всех ног бросился исполнить просьбу мастера, квасу подал ему полную, с краями, кружку. Крякнул аппетитно гончар и снова умолк. А Витя все вьется возле, ждет, когда его о чем-нибудь еще попросят.

— Покрути-ка,— сжалился Дербенев.

Мальчик оробел, глазами перепуганными уставился на гончара: мол, я же не умею.

— Давай, давай, смелей, горшки научу крутить.

Мал был мальчуган, а дело почувствовал сразу, полюбил его, и стали они с Дербеневым неразлучными друзьями.

Многому у Дмитрия Ильича научился Виктор Федорович и с гончарным кругом больше не расставался. Разве что в страдную пору круг отдыхает от напряженной работы. Учителю теперь за восемьдесят, сам-то уж, конечно, гончарное дело оставил, не под силу ему. Ремесло свое, навыки, знания передал в надежные руки ученика.

Прежде горшечным делом на селе промышляли многие мастера. Ныне молодые приняли эстафету. Склемин учит их горшки лепить.

Пока только Склемин может похвастать своими поделками. Но он не хвастает. Считает, что все у него обыкновенно получается— за жизнь свою, уже теперь немалую, он так привык к своему делу, что сам удивляется, когда гости выражают восторги, взяв в руки его изделие— изящное, рисунком непривычным украшенное.

Наблюдать, как работает Виктор Федорович, очень интересно. Вот она лежит перед ним— глина, мертвая, маслянистая. Склемин мнет ее долго, упорно, побрызгивая на нее время от времени водой. Вроде уж она и мягка достаточно, и пластична, так и скользит в руках, а гончар придирчиво ее перекинет с руки на руку— и опять давай ее дубасить. Глина аж вся лоснится, блестит.

И вот, наконец, Виктор Федорович отделяет от куска равные дольки— за-

готовки делает. Положил первый раскатанный кулич на гончарный круг, водой смоченный, и даже прилепнул его, вроде как закрепил. Крутанул круг, и закрутился круглый комочек быстро, стремительно, будто юла.

На глазах меняется его форма, вытягивается, утоньшается. Ловкие пальцы мастера помогают поточнее закруглиться вазочке (по всей видимости, она и будет, потому что заготовка ползет вверх, будет высоким изделие).

Совсем неуловимым движением Виктор Федорович пристроил руку внутри трубочки, раздавая ее вширь. А другая рука опять же помогала, тут же на подхвате оказалась. Руки будто в одно движение слились — только одна сверху, а другая изнутри, кажется, накрепко сжимает с обеих сторон заготовку, делая стенки сосуда все тоньше-тоньше, даже страшно становится — вдруг прорвется от неосторожного движения или поворота хрупкая кругляшечка.

Но нет, уверенно, спокойно действует мастер. Вот круг замедлил свой ход, совсем остановился. Но это еще не все. Склемин подровнял что-то сверху, снизу подправил, теперь нужно вазочку снять, чтобы за следующую работу взяться. А ведь вещь еще влажная да тонкостенная. Как же ее не смять, не нарушить?

Виктор Федорович очень осторожно берет изделие обеими руками с широко расставленными пальцами и бережно пристраивает его в сторонке — пусть подсыхает. Окрепнет — тогда можно и обжигать.

Считанные минуты ушли на эту сложную операцию, а уж на круг Виктор Федорович следующий комочек бросает, слегка его прилепывая. Еще несколько мгновений — пот со лба смахнуть, — и снова закрутился гончарный круг с такой скоростью, что в глазах рябит, когда смотришь на него.

Просты инструменты у мастера. Да и работа вся ручная. Однако будь все по-другому, может, и не получались бы такие звонкие, изящные поделки у Склемина. Гончарное искусство — это не только горшки да махотки, это и вазочки, и кувшинчики, и тарелочки, и кружки с бокалами. Да мало чего может придумать настоящий мастер. На то у него и руки такие ловкие.

Хранят тепло древнего искусства старые филимоновские мастера. Они верны традиции, что породили их предки столетия назад. Они любят свое искусство и продлевают жизнь игрушки своими умелыми руками, охотно передают «сек-

реты» новому поколению. И молодые талантливые руки подхватывают эстафету.

В Туле в художественной школе юные ваятели стали лепить филимоновскую свистульку. Показали им, как это делать, филимоновские мастера. Что получится из этого — говорить пока рано. Но уже первые шаги нового поколения игрушечников дали хорошие результаты. Игрушки ребят из Тулы побывали на второй Всероссийской выставке детского изобразительного творчества, было представлено там около тридцати игрушек.

Руки филимоновских умельцев, конечно, уже устали. Трудно им теперь управляться с игрушкой. Но они не оставляют своего занятия. Пока есть желание, филимоновские мастера продолжают лепить глиняные поделки. А от них, как молодые росточки, тянутся новые умельцы со свежими силами. И долго жить нашей знаменитой игрушке, вон сколько подрастает юных талантов, добрых, верных ее друзей.

Пусть сияет игрушка всеми цветами радуги и поет голосами звонкими и певучими. Пусть живет эта веселая поделка, радует и удивляет своей загадкой в нарядной сказочной одежде.

45 к.

Художник
Елена СКОРУПСКАЯ

ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Зоя Михайловна
Журавлева

ФИЛИМОНОВСКИЕ ЧАРОДЕИ

ИБ № 1659

Редактор И. Е. Арясов. Художественный редактор В. С. Корнеев. Технические редакторы М. В. Аршинова, М. Л. Афанасьева. Корректор Г. Ф. Шалимова. Сдано в набор 04.06.86. Подписано в печать 12.12.86. Формат бум. 60×90¹/₄. Офсетная № 1. Гарнитура Балтика. Офсетная печать. Усл. печ. л. 3,5. Усл. кр.-отт. 14,5. Уч.-изд. л. 2,95. Тираж 150 000 экз. Заказ № 1110. Изд. № 38. Цена 45 к. Приокское книжное издательство, 300000, Тула, Красноармейский пр., 27. Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглаволиграфпрома Госкомиздата РСФСР, 170040, Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

О чудо-мастерах и добрых делах